

ТЮРГО

**Его ученая и административная деятельность
или начало преобразований во Франции XVIII века.**

Сочинение С. Муравьева, Москва, 1858 года.

Г. Муравьев довольно исключительно держался начал системы, с которой мы никогда не соглашались. Знаменитый принцип Гурне *laissez faire, laissez passer*¹, принимаемый за основание не только теории, но и практики многочисленную школу французских экономистов, чуть ли не кажется и ему не только временной потребностью истории, развивающейся резкими переходами из одной односторонней крайности в другую, но и вечным идеалом экономического устройства; идеалом, держаться которого будет не только возможно когда-нибудь по истечении столетий, по развитию механических средств до того, что от безмерного производства вещи потеряют свою меновую ценность, в том роде, как ныне воздух не имеет ее, но которого можно исключительно держаться и в настоящее время, когда властвует золото, торговля, конкуренция, привилегия и монополия всякого рода, когда существует антагонизм между излишком у одних и нуждою у других. Читатель знает, что мы не разделяем такого убеждения, и если бы мы непременно обязаны были выставить в книге г. Муравьева все те места, с которыми мы несогласны, и объяснять причины, по которым находим их не совсем справедливыми, мы должны были бы переписать чуть ли не половину страниц его труда с прибавлением замечаний, на которые потребовалось бы вдвое больше страниц. Но мы не хотим делать этого; мы лучше хотим просто сказать, что книга г. Муравьева, как труд одного из последователей школы Сз², подлежит всем тем возражениям и заслуживает, с другой стороны, многих из тех похвал, которые применяются вообще ко всей школе. Этим отзывом мы ограничим суждение об общих идеях книги; изложение

книги мы должны похвалить: у г. Муравьева не заметно пустых, самолюбивых претензий, которыми так легко щеголять; он скромно и внимательно воспользовался материалами, какие мог иметь; для человека, знакомого с французскою литературою политической экономии, эти материалы покажутся очень обыкновенными, но для массы публики *Collection des économistes*³ и тому подобные сборники и сочинения не служат настольными книгами; потому в русской литературе труд г. Муравьева далеко не бесполезен. Он собрал много фактов, рассказал их довольно ясно, — будем ему благодарны.

Этим ограничится наш разбор труда г. Муравьева. Но мы хотим, вовсе не споря с автором, изложить о предмете его сочинения мнение, которое считаем подходящим к истине ближе, нежели взгляд школы Сэ.

Место не позволяет нам исследовать, по примеру г. Муравьева, теорию меркантилистов; мы сосредоточим наше внимание исключительно на теории физиократов и на деятельности самого Тюрго, как ни хотелось бы нам показать, что напрасно так презрительно отзывается о меркантилистах школа Сэ, когда сама еще по уши сидит в меркантилизме (нам приятно было бы также доказать, что похвалы и порицания, которыми награждает она физиократов и меркантилистов, хороши были для публики, все могут быть обращены в порицание ей самой, что, например, если заслуживают одобрение физиократы за верное понимание недостатков и потребностей своего времени, то вовсе не заслуживают одобрения экономисты, в 1858 году ограничивающиеся пониманием тех потребностей общества, какие были в 1776 году; что если достойны порицания меркантилисты, признававшие золото богатством по преимуществу, то нельзя восхищаться и учеными, признающими удовлетворительность экономического порядка, основанного на владычестве золота. Эти и тому подобные темы представляются нам очень заманчивыми, но мы отлагаем их развитие до другого раза, а теперь займемся одним Тюрго).

Прежде всего мы хотим показать, как смотрят на Тюрго и физиократов экономисты школы, по-видимому забываемой г. Муравьевым. С этой целью мы отказываемся от претензии на оригинальность, и читатель вероятно не подосадует на нас за то, что вместо очерка, какой могли бы представить мы сами, он прочтет очерк гораздо красноречивейший.

Над комнатами г-жи де-Помпадур в Версале были

темные антресоли; там жил доктор фаворитки Франсуа Кене, человек ученый и умный, проводивший свою жизнь в размышлениях о земледелии, в исчислении его произведений и стремившийся основать на этих исчислениях новую науку. Под ногами его переплетались политические и любовные интриги, а в его тесной квартире собирались за столом философы того времени: Дидро, д'Аламбер, Эльвесиус, Бюффон; собирались друзья, скоро ставшие его учениками, и в числе их человек, который в свою очередь стал учителем, — Тюрго.

Кене вырос в деревне, он внимательно анализировал то, что видел вокруг себя, и сохранил от деревенской жизни воспоминания, придававшие его беседам грацию и колорит, которых не находим в его сочинениях. Авторитетность его речи, его опытность, оплодотворенная размышлением, новизна его взгляда или скорее его определений, систематичность его ума — все это дало ему прозелитов, которых его скромность превратила в почтительных поклонников. Скоро вокруг его кресла составила школа, наполнившая шумом и жизнью вторую половину XVIII века. Предвидя adeптов в своих посетителях, он то беседовал с одним, с другим из них наедине, то, собирая их вместе, излагал им с ободряющей серьезностью теории, которые потом имели неизмеримое влияние на ход событий и сущность которых такова:

Человек живет материальными продуктами. Откуда он получает их? Из земли. Итак, существенный характер богатства — его материальность, а истинный источник его — земля.

Но что нужно, чтобы земля служила человеку?

Во-первых, нужна годность поля для обработки, нужны строения для земледельца, конюшни для лошадей, магазины для сельских продуктов. Это называется поземельными затратами.

Что нужно еще? Нужен скот, нужны плуги, разные земледельческие орудия, нужны семена. Это называется первоначальными затратами.

Но это еще не все. Нужны также расходы на множество разных работ, на засев, на обработку земли, на сбор жатвы; нужны также расходы на содержание земледельческих работников, на прокормление домашних животных. Это называется ежегодными затратами.

Из этих трех родов затрат, равно производительных, потому что их общее содействие порождает жатву, позе-

мельные затраты делаются собственником; первоначальные и ежегодные затраты делаются человеком, обрабатывающим землю.

Теперь предположим, что жатва собрана; расходы, сделанные вами для того, чтобы получить этот сбор, нужно будет снова делать вам, чтобы получить новый сбор; таким образом на семена, на корм для скота, на плату рабочим вам понадобится сумма, по крайней мере равная той, какая была нужна в прошедшем году. К этой сумме надо прибавить другую, назначенную на исправление повредившегося плуга или на возобновление других орудий, испортившихся от долгой службы, или на приобретение новой лошади, вместо лошади ставшей неспособною к работе. Таким образом из настоящей жатвы надобно для получения следующей жатвы вычесть: 1) всю сумму ежегодных затрат; 2) сумму на ремонт первоначальных затрат. Это вычеты, остающиеся в руках у возделывающего землю.

Остаток есть процент на поземельные затраты, это доход собственника, или поземельный доход.

Налог не может касаться вычетов, остающихся у возделывателя, иначе нанесется смертельный удар будущей жатве, потому что от уменьшения издержек, которых требует обработка, пострадает обработка, а излишнее сокращение законных выгод возделывателя заставит его покинуть деревню и обратиться к городской промышленности. Таким образом, остается истинно свободным, подлежащим произвольному распоряжению только один из всех родов дохода, даваемых жатвой, — это доход собственника, или чистый доход. Стало быть, на нем должен лежать весь налог.

Но если чистый доход, слишком угнетаемый налогом, потеряет ту значительность, чтобы заинтересовать собственника в возделывании земли, то капитал не замедлит покинуть земледелие. Тогда возделанные поля заменятся пустынями, и великий источник довольства, богатства национальной жизни иссякнет. Из этого следует, что увеличение чистого дохода должно составлять высшую цель правительственных забот. Потому правительство без боязни может вызывать дороговизну продовольствия. Высокая цена хлеба обогатит собственника. Собственник, обогащаясь, будет привязываться к земле; земля с улучшением обработки умножит свои дары, и при распространении изобилия по всей нации посредством обменов ману-

фактурный работник для уплаты за вздорожавший хлеб будет иметь повысившуюся заработную плату*.

Таковы были первые выводы Кене; из них легко уже предугадать результат учения, по-видимому столь простого и бесхитростного. Как! Превозносимым спасительным средством представлялось повышение цены на хлеб! Дороговизна продукта, которого бедняк получает и без того в количестве, едва достаточном для поддержания жизни. Теория говорила народу, что если насущный хлеб его вздорожает, то и работа народа через несколько времени повысится в цене; но какова будет судьба народа в течение того времени, пока не восстановится равновесие? Да и после того, если мы согласимся, что повышение цены хлеба вознаградится совершенно равным повышением заработной платы (а это подлежит еще сильному сомнению), — если и будет так, какое же вознаграждение придется несчастному, который, не находя работы, не получает платы? Какое вознаграждение придется работнику, постигнутому внезапной болезнью? Кене забывал, что цифры в его итогах представляют людей и что есть положения, в которых дороговизна хлеба бывает смертным приговором. Потому поднялось сильное неудовольствие, когда тайна новой школы, наконец, разгласилась. Народ, по выражению Гальяни, плохой исследователь причин, но великий знаток результатов, боялся потерять все то, что по идеям новой школы должны были выиграть собственники. Он не доверял теории, отрицавшей солидарность человечества и выдававшей свою основную мысль неблагодарными, невозвратными словами: одни земледельцы составляют производительный класс; остальные сословия — класс бесплодный.

Действительно, таков был необходимый вывод из основной идеи доктора Людовика XV. Объявив землю единственным источником богатств, он был принужден признать производительным классом одних земледельцев. Ремесленник, купец, доктор, философ, ученый, артист — все они принадлежат к бесплодному классу (*classe stérile*) **.

* Очевидно, что распределение земледельческих затрат на три разряда Кене составил сообразно системе половничества, почти исключительно господствовавшей тогда во Франции. По этой системе владелец земли давал половнику готовые здания; потому Кене и причисляет их ценность к поземельным затратам.

** Мы не во всем согласны с очерком, которым пользуемся. Не все примеры выбраны здесь удачно. Труд доктора действительно самый про-

Правда, что у Кене и его школы это выражение не совсем соответствовало настоящей их мысли; они вовсе не отвергали пользы различных занятий, которые оказывались как будто бесполезными по их терминологии; но с экономической точки зрения они считали эти занятия имеющими только второстепенную полезность. Один из них, быть может превосходивший всех других блеском ума, Бодо писал к г-же ***, излагая основные мысли своей школы: «Сядь за простой завтрак, вы видите вокруг себя собрание произведений всех климатов и обоих полушарий. Эти чашки и этот поднос сделаны в Китае; этот кофе родился в Аравии; сахар, который вы кладете в него, возделан в Америке; металл вашего кофейника происходит из Потози. Этот лен, привезенный из Риги, обработан голландской промышленностью; наши деревни доставили на ваш завтрак только хлеб и сливки». И показавши, что весь земной шар, посредством чудес промышленности и торговли, служит завтраку его корреспондентки, автор называет не более как приятными и считает не более как достойными приличного вознаграждения все эти услуги, для которых надобно было превозмочь тысячи препятствий, презреть бесчисленными опасностями, с мужеством, с энергией, иногда принимавшей ошибочное направление, но все-таки могущественную, — надобно было с торжеством переплыть моря и победить природу.

Если мы спросим, на чем основывалось безотчетное преимущество, отдаваемое Кене и его учениками земледельцам, вот ответ:

изводительный труд; предохраняя или восстанавливая здоровье, доктор приобретает обществу все те силы, которые погибли бы без его забот; точно так же ученый трудится производительно, когда занимается предметом, могущим распространить знание природы или содействовать просветлению ума; но есть много наук, подобных геральдике, пустых по своему предмету и затемняющих ум своей фальшивостью. Мы не думаем, чтобы труды таких ученых, как Несецкий (автор польского генеалогического гербовника), могли быть названы производительными, а при нынешнем состоянии наук большинство ученых трудится над подобными предметами. Из ремесленников непроизводительен труд всех тех, которые производят предметы роскоши. К сожалению, большая часть художников и артистов трудятся для искусства в таком направлении, которое также не может быть названо производительным. Они обыкновенно служат только прихотям роскоши. Из занятий, допускаемых общественною совестью, почти каждое при соблюдении известных условий может быть производительным, то есть служить на пользу людям; но должно признаться, что в настоящее время находится очень много занятий, производимых в направлении совершенно праздном или даже прямо убыточном обществу. Мерилом тут служит классификация общественных потребностей.

«Ремесленник трудясь, философ размышляя, купец перевоза товары, артист доставляя нам наслаждение, — все они требуют средств к существованию. Откуда же получают ими средства существования, как не из земли? Таким образом земля кормит тех, которые не обрабатывают ее, кормит излишком, остающимся от пропитания тех, которые обрабатывают ее. Этим чистым доходом содержатся все труды промышленности, торговли, умственной деятельности. Поземельный собственник, владелец чистого дохода, — вот истинный раздаватель щедрот природы, сокровищ земли, вот истинный кассир промышленности. Кто, кроме хозяина, возделывающего землю, создающего чистый доход, имеет право на почетный титул производителя? Конечно, ремесленник увеличивает ценность материи, которую перерабатывает; но что из того, если в продолжение своей работы он потребляет равную ценность? Имя производителя заслуживает один тот, кто создает не для себя одного, а также и для других. Это хозяин, обрабатывающий землю, потому что он извлекает из нее, во-первых, свое продовольствие и сверх того, во-вторых, чистый доход, то есть средства, на которые содержится источник, из которого почерпают торговцы, артисты, мануфактуристы, медики, писатели, адвокаты, ученые, словом сказать — все, которые, не обрабатывая земли, составляют другую деятельную часть человечества».

Таким образом учение Кене, названное физиократиею, правлением природы, разделяло общество на три класса: класс собственников, составлявший подразделение производительного класса; класс земледельцев или в собственном смысле производительный класс, наконец бесплодный класс, заключавший в себе ремесленников, купцов, артистов.

Если бы физиократы по крайней мере почтили именем производителя страдальца, изнемогающего и умирающего, проводя борозду, на которой созреет колос! Но они боялись бы оскорбить хозяина, нанимающего работников, если бы поставили в один разряд с ними бедного поселянина, им нанимаемого; и в их глазах даже среди сельского населения отличительным признаком производительного класса был не труд, а расходование денег*.

* В тогдашней Франции, как мы заметили в одном из прежних примечаний, почти все пространство земли обрабатывалось по системе по-

Напротив, как завидна, как блистательна была роль, предоставляемая физиократами собственнику! Возведенный ими на первое место в производительном классе, он представлялся облеченным высшей общественной должностью, и для исполнения этой высокой должности ему надобно было только пользоваться своим имуществом. Он один сидел за столом пиршества, его роль была спокойно потреблять свои доходы, а ремесленники и другие члены бесплодного класса приносили к его столу плоды своей промышленности и своего таланта в обмен за остатки его трапезы.

А между тем по странному опасению собственники были поражены ужасом. Кене, как мы видели, требовал, чтобы все налоги были заменены одним поземельным налогом. Собственники увидели только эту сторону теории, которая до чрезвычайности преувеличивала их важность, назначала им пышную праздность и стремилась заменить деревенской аристократией прежнюю военную аристократию. Собственники не заметили, что посредством повышения ценности хлеба Кене хотел косвенным образом собирать с промышленности то увеличение налога, которым, по-видимому, грозила его система доходам собственников.

Но физиократы пользовались при дворе силою, при помощи которой могли смело бороться с противниками. Г-жа Помпадур ограждала их учителя своей могущественной дружбой, а Людовик XV защищал их своей беззаботностью. Когда в конце 1758 года Кене издал свою «Экономическую таблицу», первые оттиски сделал король своими руками. Скоро Кене приобрел пылких и преданных помощников. Их тяжелые и темные сочинения принесли бы, впрочем, довольно мало пользы новому учению, если бы оно из книг не перешло в летучие листки. Кене один из первых приветствовал общественное мнение как властелина новых времен. Когда один сановник сказал при нем: «государства управляются аллебардой», он отвечал: «а кто управляет аллебардою?» Физиократы поняли важность журналов, и у них явились журналы.

ловничества, изредка по системе фермерства. Таким образом, огромное большинство сельского населения было исключено из участия в пользовании чистым доходом или рентой. И если получение поземельной ренты составляет признак производителя, то, разумеется, наемные работники или половники не могли назваться производителями в строгом смысле.

В то же время образовалась другая школа. Гурне, столь же страстный поклонник торговли, как Кене поклонник земледелия, наблюдал явления, порождаемые старою системою запрещений, таможен, привилегий, цеха. Он видел фабриканта, боровшегося с фабричными регламентами, торговца, боровшегося с пошлинами, работника, поработленного цехами. Сколько законов, статутлов, регламентов нужно было тогда знать и пересмотреть, чтобы выткать штуку какой-нибудь материи! Если она не была правильно разбита на куски по три локтя, если она не имела указанной длины и ширины, если в основе было больше указанного числа нитей, то грозили штрафы и процессы. И что это были за процессы, в которых фабрикант, не умеющий читать, был судим инспектором, не умеющим ткать! Давно уже народы по преимуществу коммерческие, англичане, голландцы, сбросили эти путы, казавшиеся им последними остатками варварства; и Гурне, путешествовавший из любознательности, занимавшийся сам торговлей, видевший от Кадикса до Гамбурга всемирную торговлю в широких размерах, извлек из своей долгой опытности нелюбовь к вмешательству власти в экономические отношения. Нужна была формула для начинавшейся эпохи владычества индивидуализма; Гурне нашел ее: *laissez faire, laissez passer*.

Легко угадать точку естественного несогласия школы Гурне со школою физиократов. Мыслители, поклонявшиеся промышленности и торговле, могли ли согласиться на признание превосходства за земледелием? Действительно, в этом вопросе они помирились не без труда. Но обе школы имели одну общую тенденцию — индивидуализм; и общим девизом их стала формула: *laissez faire, laissez passer*.

В самом деле глава физиократов свою теорию чистого дохода завершал признанием безграничной свободы собственника. Он хотел, чтобы собственник, один, подвергаясь налогу, мог по своему капризу возвышать цену хлеба, держать его в магазинах, не пуская в продажу, вывозить его за границу, словом — располагать хлебом как угодно, находя единственное ограничение своему производству в таком же праве других собственников.

Таким образом два человека, вышедшие из различных точек, один воспитанный на ферме, другой воспитанный в купеческой конторе, прошедши некоторое пространство на поле теории различными дорогами, вдруг встретились на перекрестке, где надписью столба было слово: свобода. Важно было бы хорошенько понять это слово. Сколько

бедствий избежали бы народы, если бы поняли, то нет свободы там, где слабый остается беспомощным. Но прежние стеснительные регламенты так утомили людей, что почти все мыслители безусловно склонялись к противоположному принципу, к простому освобождению индивидуума от всяких обязательств. Собственник и купец, богач и бедняк, каждый предоставлялся теперь самому себе. Думали, что каждый лучше всех других понимает свою выгоду; будущность открывалась этому гордому чувству. Не нужно более ни надсмотрщиков, ни сторожей, ни застав; не нужно опеки, хоть бы с нею уничтожалась и защита.

Потому-то обе школы слились в одну, и под общим именем экономистов они пошли, соединив свои знамена, к двоякому торжеству среднего сословия в земледелии и торговле.

Тюрго — тот человек XVIII века, в котором соединились обе школы; в его трактате «*Sur la Formation et la Distribution des richesses*»⁴ выразились все их учения. Напрасно стали бы мы искать в этом трактате новых взглядов, поразительных открытий могущественного гения: Тюрго был почтительным учеником Кене; если сам он, как мы сказали, был почтен именем учителя, он обязан тем исключительно уважению, какое внушал его возвышенный характер. Но историческую важность его сочинения приобретают именно от верности, с какою воспроизведены в них стремления, идеи, софизмы целой школы.

Трактат об образовании и распределении богатств не говорит ничего нового о разделении общества на три класса, о преимуществе земледелия, о сущности и происхождении чистого дохода; он только повторяет мысли, которые мы уже видели у Кене. Потому мы рассмотрим в книге Тюрго только отношение теории экономистов к простолюдинам.

Вот что говорит Тюрго: «Простой работник, не имеющий ничего, кроме своих рук и своего промысла, получает что-нибудь только чрез то, когда ему удастся продать другим свой труд. Он продает его дороже или дешевле; но эта цена, более или менее высокая, зависит не от него одного: она проистекает из условия, заключаемого им с нанимающим его. Наниматель платит ему за работу как можно дешевле; имея выбор между большим числом работников, он предпочитает того, который работает дешевле. Итак, работники принуждены понижать цену наперебой одни пред другими. Во всех отраслях работы должно

происходить и происходит, что плата работника ограничивается тою цифрой, какая необходима для доставления ему его пропитания».

Да, описание феномена очень верно с фактами. Действительно, так происходит при владычестве индивидуализма в обществе, где каждый имеет в виду только самого себя, на этой арене, где, влекомые конкуренцией, несчастные пролетарии принуждены оспаривать друг у друга работу как будто добычу, с опасностью губить друг друга. Но разве это не беспорядок, не несправедливость, не насилие? Когда с одной стороны сильный, с другой — слабый, свобода сильного разве не угнетение слабого? Глубокие вопросы, их не предлагает себе Тюрго! Принцип, найденный в наши времена, бесчестная и жестокая формула: «чужих дел знать не хочу, в мои никто не мешайся», *chacun pour soi, chacun chez soi* — эта формула, к сожалению, была принимаема Тюрго; а раз допустив принцип, как остановить вывод, если вывод из него губителен? «Так должно происходить». Да, конечно, «должно происходить», что доля работника уменьшается до границ необходимого для его существования, когда мы возьмем за точку отправления право индивидуальности; но так ли было бы при системе взаимного обеспечения?

Тюрго превосходно доказывает, что труд рабов мало производителен, потому что работник недостаточно заинтересован в успехе труда; но он позабывает это соображение, когда речь идет о труде работника, свободного по имени, на факте — раба нищеты. Тюрго не возмущается очевидною и несправедливою неравномерностью в страданиях и выгодах при слепой диктатуре системы *laissez faire* — он видит в этом натуральный порядок; он описывает факт и боится судить о нем.

Чрезвычайно живым и проницательным образом Тюрго перечисляет услуги капитала в промышленности и показывает их важность; но, подобно всей школе, представителем которой он является, Тюрго совершенно произвольно и фальшиво смешивает капитал с капиталистом, из необходимости капитала выводя законность владычества капиталиста. И, кроме того, разве труд не так же необходим, как и капитал? И если капитал есть богатство прошлого, разве не труд извлечет из него богатство будущего? И когда вам говорят, что заработанная плата должна ограничиваться необходимо-нужным для пропитания, неужели не даст на то ответа ваше сердце, если не дала голова? Странные и печальные увлечения логики в ошибоч-

ной или неполной системе! Тюрго, человек благородной души, был до того увлечен своим принципом, что теоретически оправдывал ростовщиков. Понятно еще было бы, если бы он, провозглашая право заимодавца, основывал его на общественной пользе; но нет, это право казалось Тюрго столь безусловным, столь независимым от всякой идеи общего блага, что он не хотел даже, чтобы основанием процентов поставляли услугу, оказываемую заимодавцем должнику*; нет, чтобы заимодавец имел право требовать всего, что хочет, довольно было, по мнению Тюрго, что «он — хозяин своих денег».

Какое сравнение с благородными, достойными возвышенного гения прекрасными словами Лоу: «Деньги в ваших руках только затем, чтобы вы пользовались ими, давали им обращение, для удовлетворения ваших нужд и желаний; если вы не хотите сами пользоваться, ваши сограждане должны пользоваться ими; вы не можете лишать себя и других права ими пользоваться, не совершая несправедливости и преступления пред государством».

Сравните эти два учения и решите, которое лучше.

Не скроем: Тюрго в великолепных выражениях провозгласил «право работать». Без сомнения, это будет одним из прав его на честь в потомстве. Тогда еще не рушилось устройство, в котором осмеливались объявлять работу феодальной привилегией сюзерена, — тогда большою заслугою было поставить право работать в числе неотъемлемых прав человека.

Но не станем обманывать себя: Тюрго никогда не достигал того, чтобы признать за человеком «право иметь работу». Он хотел, чтобы беднякам была предоставлена свобода развивать свои способности, но он не допускал того, что общество обязано давать им средства достигать развития. Он хотел, чтобы уничтожены были препятствия, могущие возникать от вмешательства регламентации, но

* Вот собственные слова Тюрго: «Выгода, которую можно извлечь из денег, полученных взаймы, без сомнения, бывает одною из самых обыкновенных причин того, что кредитор решается занимать с платежом процентов; эта выгода — один из источников легкости, какую находит он в уплате процентов; но вовсе не она составляет источник права заимодавца требовать процентов; этому праву достаточным основанием служит то, что он хозяин своих денег, и это право неразлучно связано с собственностью. Он хозяин своих денег, стало быть, волен оставить их у себя, нет ему никакой обязанности давать их в заем; потому, если он дает их в заем, он может поставлять этому займу какое хочет условие».

он не возлагал на общество обязанности служить опорой для бедных, слабых, непросвещенных. Словом, он допускал право искать работы, а не право иметь ее — различие существенное, до сих пор еще не вполне понятое.

«Какая польза была, если говорили пролетарию: «Ты имеешь право работать», когда он отвечал: «Как же я воспользуюсь этим правом? Я не могу обрабатывать землю для себя, — родившись, я нахожу ее уже занятою. Я не могу заняться ни охотой, ни рыбной ловлею, — это привилегия владельца. Я не могу собирать плодов, возвращаемых богом на пути людей, — эти плоды поступили в собственность, как и земля. Я не могу ни срубить дерева, ни добыть железа, которые необходимы для моей работы: по условию, в котором я не участвовал, эти богатства, созданные, как я думаю, природой для всех, разделены и стали имуществом нескольких людей. Я не могу работать иначе, как по условиям, возлагаемым на меня теми, которые владеют средствами для труда. Если, пользуясь так называемою у вас свободой договоров, эти условия чрезмерно суровы; если требуют, чтобы я продал и тело, и душу; если ничто не защищает меня от несчастного моего положения или если, не имея во мне надобности, люди, дающие работу, оттолкнут меня, — что будет со мной? Найдется ли у меня сила восхищаться тем, что у вас называется уничтожением произвольных стеснений, сделанных людьми, когда я безуспешно борюсь с условиями жизни? Буду ли я свободен, когда подвергнусь я рабству голода? Право работать будет ли казаться мне драгоценно, когда мне придется умирать от беспомощности и отчаяния при всем моем праве?»»

Таким образом право, понимаемое экономистами в абстрактном смысле, было не более как призраком, способным только держать народ в мучении вечно обманываемой надежды. Право в том смысле, как определяли его экономисты XVIII века, как понимал и провозглашал его Тюрго, могло служить только к замаскированию несправедливостей, которые должны были возникнуть из господства индивидуализма, к замаскированию варварства, оставлявшего бедняка в беспомощности.

Мало того, чтобы сказать: «ты имеешь право»; надобно дать возможность, дать средства пользоваться этим правом.

Мы видели, как ложно и опасно было учение экономистов XVIII века. Но не будем опрометчиво винить их. Они с слепою страстью приняли принцип индивидуализма

потому, что противоположный принцип, принцип власти, вызвал против себя безусловную реакцию как необходимость той эпохи. Когда палка искривлена в одну сторону, ее можно выпрямить, только искрививши в противную сторону: таков закон общественной жизни. Будем уважать его, хотя он прискорбен; будем признательны даже к ошибавшимся за их ошибку, если она содействовала исправлению других более важных и губительных ошибок. Но только для тех сохраним наше удивление, которые, опережая свою эпоху, имели славу предусматривать зорю грядущего дня, имели мужество приветствовать его приход. Возвышать независимый и гордый голос, когда против вас шумит мнение современного общества; бороться с силою, которая оклеветает вас, на пользу толпы, которая не понимает или не знает вас; в самом себе находить свое ободрение, свою силу, свою надежду; с непреклонной душой, с святою жаждою справедливости идти к цели, не озираясь, идет ли за вами толпа, и достигнуть высот, только путь к которым можно указать оставшему своему поколению, и кончить жизнь в горьком одиночестве своего ума и своего сердца — вот что достойно вечного удивления, и в честь тех, которые были способны к такому подвигу, должна возжигать свой фимиам история.

Мы изложили учение Тюрго. Деятельность его была деятельностью доброго гражданина и преданного общему благу администратора. Будучи правителем (интендантом) Лимузенской провинции в то самое время, когда писал свою книгу, он заставил любить, благословлять себя. Благородным употреблением своих доходов он облегчал участь бедняков. Он пролагал дороги. Он научил народ благодетельному разведению картофеля. Он уничтожил в своем интендантстве дорожную повинность. Но заметим, что добро, внушаемое ему чувствами сердца, Тюрго мог совершать часто не иначе, как поступая противоположно своим сочинениям. «Он боролся с эгоизмом, — говорит жаркий его панегирист, Дер, в биографии, приложенной к его сочинениям в «Collection des économistes» Гильомена, — он энергически боролся с эгоизмом, иногда прибегая даже к понудительным мерам», — но ведь это значило переступать узкие принципы, на которых сам он основывал право заимодавца. Он устроил (во время голода) «благотворительные мастерские» (*ateliers de charité*) — разве это не было вступлением в систему вмешательства государства в промышленные отношения? В начале инструкции благотворительным комитетам, которые заведовали

этим мастерскими, он написал трогательные, дивные слова: «Облегчение бедствий страдальцев — общая обязанность, общий долг», — разве это не значило осуждать теорию конкуренции, предающей судьбу бедняка произволу случая? Да, Тюрго не всегда был верен своим принципам: не осуждайте его за то, в том слава его.

〈Теперь можно судить о том, как〉 сильна была школа, провозглашавшая в XVIII веке индивидуальное право. Но и общественное право также находило себе защитников, хотя и оставалось в разноречии с общим направлением умов. Из мыслителей, занимавшихся специально экономическими вопросами, такими защитниками были Мабли, Морелли, — но их усилия изменить господствующее направление оставались напрасны. Напрасно также шли против него Жан-Жак Руссо в «*Contrat social*», Эльвесиус в некоторых местах своего «*Traité de l'homme*»⁵, Дидро в некоторых из лучших своих сочинений. Индивидуализм непреодолимо овладевал обществом. Мабли сам чувствовал это, и многие страницы его сочинений показывают, что он не скрывал от себя могущества идей, которые оспаривал. Школа экономистов с каждым днем становилась сильнее, и пришел час, когда она достигла правительственной власти.

10 мая 1774 года Людовик XVI вступил на престол; через три месяца Вольтер писал: «Если Людовик XVI будет продолжать, как начал, перестанут говорить о веке Людовика XIV. Он, кажется, благоразумен и тверд, итак, он будет великим и добрым государем. Счастливы те, кому двадцать лет, как ему, — они долго будут наслаждаться счастьем его царствования».

Но царствование это началось ошибкой. Людовик XVI, человек строгой нравственности и серьезного характера, взял себе первым министром и руководителем старого развратника, в котором легкомыслие служило только прикрасой систематической испорченности. Скоро по воле графа Морепá все министры заменились новыми. Д'Эгильон уступил место Верженну; Мюи сделался военным министром; Мопу был заменен Мироменилем; Тюрго, сначала сделанный морским министром, скоро получил должность генерал-контролера финансов вместо аббата дю-Терре. В лице Тюрго экономисты достигли власти и не сомневались, что благодаря энергии и бесстрашию нового генерал-контролера их идеи будут, наконец, блистательным образом применены к управлению.

Мы видели Тюрго писателем и администратором: каков он будет министром?

Тюрго имел прекрасную и внушавшую почтение наружность. Воспитанный для духовного звания, у которого похитила его философия, он принес в светское общество привычки чистой нравственности; облагораживаемые его гордостью, они заставляли смиряться легкомыслие других сановников. Если бы довольно было иметь обширные знания для преобразования и успокоения большого, волнуемого общества, Тюрго был бы достойнее всех руководить реформами в стране, угрожаемой бурными потрясениями: он испытал свои умственные силы во всех отраслях науки и осмотрел, так сказать, все знания.

Но уму его недоставало широты, недоставало ему мощного далекого взгляда, который разом измеряет все результаты принципа. Отсюда его ошибки и противоречия. Бесспорно, он любил народ, — ведь он разрушил монополию цеховых корпораций и тиранию дорожной повинности; но что же предложил он взамен прежнего угнетения? Давая человеку достоинство, он делал его одиноким, его величие он основывал на эгоизме, он провозглашал под именем конкуренции войну между интересами, под именем свободы — оставление бедного беспомощным; он вводил для сильных покровительство системы *laissez faire*, для бедных — произвол случая. Не удивляйтесь, если он в своем Лимузенском интендантстве показывал отеческую заботливость о народе; если, провозгласивши в теории законность лихоимства, он косвенными путями пытался действовать против его унижительного и жестокого владычества; если он силой власти организовал вспоможение бедным, проповедуя в своих книгах поклонение индивидуальному праву, — этому идолу, которому принесено было потом столько человеческих жертв. Тюрго был человек, действительно желавший добра, — мог ли он как практический деятель не опровергать часто своими распоряжениями свои теоретические ошибки? Самая резкая черта его жизни это — именно противоположность между прекрасными его действиями и ложными его понятиями.

Каковы бы ни были его теоретические недостатки, в то время можно было противопоставить ему только одного соперника. Неккеру не могли простить презрения к модным тогдашним мыслителям, гордой независимости его ума. Он изобличил лживость пышных фраз о свободе, которыми <усыпляют> страдания обманутой массы; он понял и отважился сказать, что право жить и быть счастли-

вым — пустой призрак для человека, не имеющего средств к тому; что свобода бедняка — только особенный вид рабства; что все притязания отдельной личности должны иметь мерилом и ограничением общее благо, а судьей — государство.

По высоте мыслей Неккер был, без всякого сомнения, выше Тюрго.

Но идеи Тюрго чрезвычайно облегчали обязанность правителя. Разрушить ограничения и потом оставить все произволу, — вот роль правительства по теории Тюрго. Неккер, напротив, возлагал на правительство обязанность столь же тяжелую, как и высокую. С бдительным участием следить за тревожным существованием бедняка среди запутанных явлений общественной жизни; заботиться о средствах существования для всех и об участии каждого в священной области труда; быть сильным за слабых, прозорливым за непросвещенных; защищать если не счастье, то по крайней мере кусок хлеба для массы против бездушного царства конкуренции и беспорядков всеобщего антагонизма — вот какими обязанностями, вот какими заботами, по мнению Неккера, заслуживалась честь управлять государством.

Это значило требовать в министре <соединения> таких качеств, каких не дала природа самому Неккеру; потому, достигнув власти, он должен был пасть под бременем собственной идеи.

Опираясь на безусловный принцип, имея целью только разрушать, предоставляя результаты разрушения на проницательность частного интереса, Тюрго мог идти вперед без оглядки. Не мог иметь этой свободы Неккер, проникнутый желанием все устроить и все предусмотреть. Вошедши на высоту власти, он почувствовал, что его силы, его решимость ниже его идеала, в нем явилась робость, что он сам не удовлетворит своим требованиям; он стал колебаться между стыдом быть посредственным или бесполезным и между страхом излишней смелости; он явился тем более нерешителен и смущен, чем дальновиднее был его взор: нерешительность — слабая сторона проницательности.

Тюрго явился выше, Неккер ниже своих сочинений в своей министерской деятельности.

Как только вступил в управление финансами, Тюрго ввел в него учение экономистов, и 13 сентября 1774 года эдикт совета разрешил свободную торговлю хлебом во всем королевстве. Экономисты были в восторге. Тогда Неккер

взялся за перо и написал книгу, в которой есть страницы, равно достойные государственного человека и поэта, которая вся от начала до конца проникнута серьезным красноречием и силой сдержанного чувства. Вопрос о хлебной торговле он взял только как случай восстать, во имя народных польз, против системы индивидуализма. Неккер восходил к основным началам общественного устройства и подвергал их анализу, равно возвышенному и смелому.

〈Тот, кто вначале поставил несколько столбиков вокруг участка и бросил в него посев, неужели на этом одном основании мог получить исключительную привилегию на эту землю для своих потомков до конца веков? Нет, отвечал Неккер: «такое преимущество не могло принадлежать этой малой заслуге». Право собственности, по мнению Неккера, было основано на предположении своей полезности для общества; у тех, которые отваживались выставить основанием своего права только самое это право, он спрашивал: «Скажите, разве ваша купчая крепость записана на небесах? Или вы принесли вашу землю с соседней планеты? Или есть у вас какая-нибудь сила кроме той, которую дает вам общество?»

Не менее справедливо Неккер определял свободу. Он не удивлялся, что в тогдашнюю эпоху для людей, натерпевшихся долгого угнетения, одно слово «свобода» было уже очарованием и слово «запрещение» отзывалось в их душе как звук еще несломанной цепи; но от его взгляда не ускользнуло, что среди всеобщей борьбы, при неравенстве оружия, свобода служит только маской угнетения. Неужели во имя свободы можно позволить сильному человеку приобретать выгоды на счет слабого? А по выражению Неккера «сильный человек в обществе — это собственник; слабый человек — человек без собственности».

И чтобы лучше показать, к каким несообразностям может приводить идея права, когда смысл ее не истолковывается сердцем, он прибегал к поразительной гипотезе. Он предполагал, что некоторое число людей нашли средства присвоить себе воздух, как другие присвоили землю; потом он представлял, что они изобретают трубы и воздушные насосы, посредством которых могут сгустить или разредить воздух в данном месте: неужели этим людям позволили бы произвольно распоряжаться дыханием человеческого рода?»

Неккер не нападал на право собственности в его корне, потому что дорожил свободой; но мерилom собственности и свободы он постановлял общую пользу. Прилагая эти

принципы к вопросу о хлебной торговле, он выводил из них следствия, прямо противоположные системе экономистов. Отдельному человеку, говорящему «я хочу делать то, что мне угодно», он противопоставлял общество, говорящее: «я не хочу, чтобы человек мог делать то, что мне вредно».

Под тем предлогом, что заработная плата приходит в соразмерность с ценою продуктов первой необходимости, физиократы утверждали, что дороговизна съестных припасов вовсе не противна выгодам народа. Неккер энергически опровергал этот опасный софизм. Хлеб подымается в цене ныне, а через два, через три месяца увеличивается моя заработная плата. В ожидании этого неужели мне должно умирать с голоду? (Неккер восклицал: «Спросите у этого наемного работника, плату которого стараются по возможности понизить, желает ли он дороговизны съестных припасов? Если бы они умели читать, они были бы очень изумлены, узнав, что от их имени требуют дороговизны»).

Книга кончалась следующими словами: можно сказать, что небольшое число людей, разделив между собой землю, составили законы для обеспечения своих участков против массы людей, вроде того, как поставлены загородки в лесах против диких зверей. Установлены законы, ограждающие собственность, правосудие и свободу, но почти еще ничего не сделано для самого многочисленного класса граждан. Какая нам польза от ваших законов о собственности, — могут сказать они: — мы ничего не имеем; от ваших законов о правосудии? — нам не о чем вести тяжбу; от ваших законов о свободе? — если мы не будем работать завтра, мы умрем.)

В апреле 1775 года Неккер явился пред генерал-контролером с просьбой о разрешении напечатать свою книгу. Их свидание имело торжественную холодность. На гордость банкира министр отвечал холодностью. Неккер держал в руке свою рукопись и предлагал не издавать ее, если она покажется способною нарушить порядок. Тюрго с презрительным равнодушием отвечал, что не видит неудобства в обнародовании подобных теорий и не боится ничего. Собеседники расстались врагами.

При смутах, возникших в Париже по случаю дороговизны хлеба, Тюрго не сохранил спокойствия государственного человека: но по крайней мере он выказал твердость убеждения. И как легко забыть этот случай, перечисляя множество услуг, ознаменовавших или, лучше

сказать, обессмертивших управление Тюрго! Он прекратил постыдные выгоды, дававшиеся придворным откупщикам; отменил ответственность богатых членов общины за исправность платежа податей всеми остальными; уничтожил множество местных сборов и частных привилегий, возвышавших цену на съестные припасы; освободил поселянина от обязанности выставлять подводы при проходе войск; заслужил одобрение всего Парижа, отняв у госпиталя Hôtel Dieu⁶ привилегию продавать мясо в продолжение великого поста; улучшил водяные пути сообщения; заботился об усовершенствовании дорог и почтовых сообщений; разрушил феодальные препятствия свободной торговле винами; содействовал учреждению дисконтной кассы для понижения процентов; уменьшил прежний дефицит с двадцати двух миллионов до 15 и притом единственно помощью экономии; оживил кредит честным исполнением обязательств, — сделать все это в двадцать месяцев значило сделать больше, нежели самые могущественные и сильные министры делали в продолжение многих лет.

Но опираясь на Мальзерба, которому доставил место в министерстве, Тюрго думал нанести старому общественному устройству удары еще более решительные. При тогдашнем стремлении публики к переменам сильное впечатление произвела брошюра, написанная под его влиянием. Она требовала отмены дорожной повинности; имя автора не было выставлено на ней; предполагали, что написал ее Вольтер. В лагере привилегированных поднялся вопль печали и страха; предводитель аристократии, принц Конти, негодует; пылкий оратор парламента д'Эпремениль произносит грозные речи; парламент запрещает брошюру. Это значило делать вызов Тюрго; он принял бой, и 3 февраля 1776 года парламенту был сообщен эдикт, отменявший дорожную повинность. Министр заменял ее поземельным налогом, от которого освобождались земли духовенства, но которому подвергались вместе с землями простолюдинов дворянские поместья. Можно вообразить себе, каковы были демонстрации парламента. «Французский народ подлежит подушным окладам без всякого ограничения (*est taillable et corvéable à volonté*), — восклицает парламент, — это основной закон, которого не может изменять король». Орган аристократии, высокомерный принц Конти, осмелился утверждать, что нельзя заменять дорожную повинность никакою другою податью, потому что эта повинность, исключительно лежащая на простом народе, составляет признак его различия от бла-

городных <и уничтожить ее значило бы снимать с мужицкого лба прирожденное клеймо рабства>. Какой скандал в подобном сопротивлении, обещанном подобными основаниями! Тюрго удвоил свою твердость. Он победоносно отвечал в совете на возражения Миромениля, восторжествовал над недоброжелательностью Морепа, увлек за собой Людовика XVI; и в королевском заседании 12 марта 1776 года парламент был принужден внести в свой протокол эдикт, уничтожавший дорожную повинность и цеховые корпорации.

Через два месяца, окруженный союзом яростных врагов, коварно преданный своими товарищами, лишенный помощи Мальзерб, удалившегося в изнеможении из министерства, покинутый графом Морепа, оставленный без защиты Людовиком XVI, Тюрго лишился власти, и его противники стали хлопотать о восстановлении того, что он разрушил.

Мы привели этот очерк, чтобы показать, как смотрят на физиократов и на Тюрго ученые той школы, на мнения которой г. Муравьев обратил, как нам кажется, слишком мало внимания, слишком доверчиво принимая взгляд противной школы. Теперь нам легко обозначить разницу физиократов от людей, которые воображают себя продолжателями их благодетельных усилий.

Разница вовсе не в том, что физиократы при младенческом состоянии науки принимали начало, односторонность которого обнаружена Адамом Смитом, а нынешние поклонники выставленной физиократами формулы *laissez faire, laissez passer* видят ошибочность их мнения о том, будто бы только одно земледелие — источник производства. На стороне физиократов тут действительно ошибка, но эта ошибка состоит скорее в неудачном выборе терминов, еще не достигших нынешней определительности, нежели в существенном смысле понятий, которые они только не умели выразить с достаточною верностью. Если мы не будем придирааться к словам, в неудовлетворительности которых каждое предыдущее поколение легко может быть уличаемо последующим, если мы захотим вникнуть в основную мысль физиократов и выразить ее той терминологией, какую приняли бы они сами, если бы располагали учеными пособиями, находящимися в руках нынешних экономистов, их знаменитое учение об исключительной производительности земледелия может быть представлено в следующем виде.

Земледелие и другие промыслы, состоящие в прямом отношении к земле, извлекают из нее продукты; часть этих продуктов обращается непосредственным образом на поддержание человеческой жизни, другая часть передается для обработки таким промыслам, которые уже не извлекают из неорганической природы никаких новых масс вещества, а только видоизменяют различным образом вещество, добытое первыми промыслами. Таким образом очевидно, что размер этих вторых занятий зависит от величины той части продуктов, которая передается им первыми промыслами. Из этого видно также, что первые промыслы служат основанием для вторых. В главнейшем из этих первых промыслов, имеющих дело непосредственно с землей, именно в земледелии, надобно заметить еще две особенные черты, отличающие его почти от всех других занятий. Оно производит почти исключительно предметы первой необходимости, именно: масса его продуктов состоит в средствах продовольствия. По своему основному характеру оно чуждо стремления служить прихотям роскоши и моды; напротив, очень многие из занятий, состоящих только в переработке уже извлеченных из земли продуктов, обнаруживают стремление служить не столько необходимости существования, сколько простому удовольствию, и вообще наклонны подчиняться прихотям моды и роскоши. Эта разница обнаружится, если мы сравним земледелие даже с такими необходимыми производствами, как, например, выделка сукна или домашней посуды. Другая особенность земледелия состоит в доставлении поземельной ренты, которая характером своим отличается от выгоды, доставляемой затратою капиталов.

Некоторые из французских экономистов школы Сэ не согласятся с понятием о поземельной ренте в этом изложении; но в Англии и Германии никто не будет спорить и против этого последнего пункта. Что же касается до остальных, они и во Франции не найдут противоречия. Таким образом, если физиократы выражали свои мысли неудовлетворительным для нашего времени образом, то существенный смысл их идей о классификации занятий и особенностях земледельческого производства в основании своем был справедлив. Нам кажется, что распространяться о неудовлетворительности выражения в старинных книгах и из этого вывести различные нынешних теорий от старинных учений — значит утешаться своею способностью делать придирки к словам.

Но если мы не находим основательным признавать коренную разницу между физиократами и школой Сэ в тех пунктах, в которых находит она свое превосходство над физиократами, зато, с другой стороны, мы видим различие в самом духе этих двух школ, в их отношениях к недостаткам и потребностям двух эпох, им современных. Мы находим разницу именно в том самом, в чем школа Сэ видит свое сходство с физиократами. Подобно нынешним последователям школы Сэ, физиократы предоставляли все отдельному лицу, думая, что общее благо не требует никаких особенных гарантий в экономической сфере. Мы находим, что смысл этого требования ныне совершенно не тот, какой принадлежал ему во время Кене и Тюрго. Одно и то же слово может быть представителем прогресса или отсталости, смотря по различию времен. Петр Великий строил парусные корабли; это было великим прогрессом. Но если бы теперь, когда доказана неудовлетворительность парусных кораблей по сравнению с паровыми, если бы теперь кто-нибудь стал твердить нам: «стройте только парусные корабли», — такой человек был бы представителем отсталости, регресса. Сорок лет тому назад люди, желавшие улучшить наши пути сообщения, говорили о необходимости соединить гавани Черного моря с центром России посредством шоссе. Кто стал бы ныне доказывать превосходство сообщения Феодосии с Москвой посредством шоссе, заслужил бы только насмешку.

Отношения одного и того же понятия к потребностям различных времен изменяются явлением новых усовершенствований; есть и другой источник перемены. Очень часто случается, что опыт обнаруживает неудовлетворительность средства, которое казалось изъятым от всяких недостатков, пока не было приложено к делу. Это факт, у романтических юношей известный под именем разочарования. Пока во Франции не был приложен к делу *suffrage universel*⁷, очень умные люди полагали, что при помощи его французское правительство устроится гораздо лучше, нежели было прежде. На деле оказалось противное. Пока не было испытано в приложении к Франции английское государственное устройство, почти все умные французы ожидали от него исцеления правительственных недостатков своего отечества. На деле опять оказалось противное. Как быть при таком разочаровании? Умные люди говорят, что оно принуждает к исследованиям двойного рода. Во-первых, надобно подумать, верно ли было наше понятие о принципе, которым мы очаровывались,

и не надобно ли видоизменить формулу, его выражающую; во-вторых, следует подумать, нет ли других принципов, могущих служить ему коррективными средствами. Так, например, умные люди находят, что *suffrage universel* поимался односторонним и узким образом и что каким бы образом ни понимать его, необходимыми коррективными средствами ему должны служить просвещение и децентрализация.

Когда явились физиократы, принцип безответственной свободы индивидуума не был еще испытан на деле; этот принцип, прямо противоположный средневековым злоупотреблениям, казался совершенно достаточным средством для доставления человечеству счастья, отнимавшегося у людей этими злоупотреблениями. С той поры опыт указал многое такое, о чем не догадывались физиократы. Открылось, что, кроме средневековых злоупотреблений, человечество может страдать и от других бедствий, против которых бессилён принцип индивидуальной независимости. Открылось также, что эта независимость понимаема была узким образом. И вот видна теперь из опыта необходимость сочетать с этим принципом другие принципы и понимать его иначе, нежели как понимался он сто лет тому назад.

Непризнание этих потребностей у физиократов было просто незнанием и потому не мешало им оставаться вполне добросовестными: они не принимали в свою теорию некоторых условий истинного экономического идеала потому только, что в те времена опыт еще не указал надобности принимать их необходимыми элементами общей теории; словом сказать, они просто упускали из виду, но не систематически отвергали понятия, которых недоставало в их теории для полного соответствия с экономической истиной. Когда же обстоятельства ярко указывали в каком-нибудь данном случае на пользу мер, не входивших в отвлеченную их систему, они не колеблясь принимали эти меры, потому что главным делом для них было все-таки желание общей пользы, а не пристрастие к системе. Так действовал, например, Тюрго во время голода в Лимузенской провинции.

Не то с нынешними поклонниками исключительных прав индивидуальности. Они держатся своего узкого пути не потому, чтобы не знали фактов, противоречащих прежней системе: они уже обсудили факты со всех сторон и решили систематически перетолковывать их сообразно с выгодами своей теории или отвергать их. Их ошибки —

не от незнания, а от сознательного противоречия. В них система заглушает чувство истины, и самое стремление к добру решили они приписать не более как настолько, насколько оно подходит под их мерку. Это не наивный недосмотр, это закоснелость отсталости.

Оттого одни и те же слова «безусловная независимость индивидуума» имеют совершенно различный характер у физиократов и у школы Сэ. Физиократам не мешали они вести общество вперед; нынешние поклонники формулы *laissez faire, laissez passer* — люди старины, не удовлетворяющие требованиям своего времени⁸. То было время, когда человек рвался из средневековых уз, как птица из клетки. Но теперь птица довольно долго уже летала, куда хотела, и чувствует, что если хорош беспредельный простор поднебесья, то много в нем грозных опасностей, часто бывают непогоды, и что если клетка — плохое гнездо и действительно было нужно вырваться из него, то все же плохо быть вовсе без гнезда, нельзя не позаботиться об устройстве его и нужно думать о том, как бы лучше построить его.

От теории Тюрго перейдем к практической деятельности его как министра. За нее хвалят его писатели всех экономических школ, но нам кажется, что при многих прекрасных сторонах есть в ней один недостаток. Тюрго был хорошим министром, но напрасно был он министром.

Место генерал-контролера финансов давало, говорят, более 150 000 руб. серебром дохода, узаконенного обычаем; при отставке генерал-контролер получал большую пенсию; по влиянию на внутренние дела он был важнейшим министром в королевстве; генерал-контролер заведывал, кроме финансов, многими из отраслей, принадлежащих ныне министерствам внутренних дел, юстиции, общественных работ. Если бы Тюрго, принимая место контролера, имел в виду почетность его, соединенную с огромными доходами, он не сделал бы ошибки. Но он руководился совершенно иными побуждениями: он хотел ввести порядок в финансы и мирными преобразованиями превратить бедствия, которые уже тогда грозили государству. Рассчитывать на возможность этого — значило обольщаться несбыточными мечтами.

В самом деле, хотя несколько присмотревшись к тогдашним обстоятельствам, каждый мог убедиться в невозможности произвести какие-нибудь существенные улучшения.

Характер тогдашней правительственной системы извещен. Совершенно ошибаются те, которые думают <определить ее словами>, что Франция XVIII века имела <самодержавное правление. Оно> существовало только на словах, а вовсе не в действительности.

<Самодержавное правление предполагает твердую волю и самостоятельное знакомство с государственными делами в короле или гениальность в первом министре, который, пользуясь непоколебимым доверием короля, может действовать независимо ни от кого. Таковы были Людовик XI, Ришелье и Людовик XIV в первую половину своего царствования. Но качества, нами названные, могут являться только при известных условиях, из которых самое главное — существование упорной борьбы для упрочения правительственной формы. Только тогда человек серьезно занимается делами и развивает в себе мужественный характер, пока вопрос очень близко касается его собственных интересов. Только тогда он ищет гениального помощника и, нашедши, дает ему необходимую власть, когда видит, что без его содействия не может сам сохранить своего положения. Только в таких обстоятельствах являлись истинно великие самодержавные государи и великие министры самодержавия, как показывает история. Но когда форма упрочена, характер дел изменяется, а с ним и характер людей. За победой всегда следует отдых, за усиленной деятельностью — ослабление энергии. Тогда дух, создавший форму, ослабевает, уступая место наслаждению формой, открывается простор наклонностям, не имеющим серьезного значения; дела можно вести так или иначе, уже ничего не теряя в личном положении, которое вне опасности, — они ведутся не в духе необходимости, без строгой последовательности, становятся в зависимость от второстепенных желаний. Твердая воля исчезает, знание дел становится ненужным, без гениальных помощников легко обойтись, они становятся неприятны, потому что требуют энергической последовательности; гораздо удобней кажется верить людям, которые уступчивы, которые готовы идти и туда и сюда, по воле минутного расположения; можно удовлетворять наклонности делать выбор между людьми, основываясь не на их собственных качествах, а на своих отношениях к ним, на их приятности для нас и наших близких. Словом сказать, начинается эпоха личных отношений и наступает владычество камариллы, которая скоро так опутывает волю, что она лишается своей само-

стоятельности. Имя остается прежнее, но прежнего духа уже нет.)

С начала XVIII века во Франции владычествует под именем короля камарилла. Она овладевает всей дворцовой жизнью до такой степени, что потомки Людовика XI не могут приобретать знакомства с государственными делами. Камарилла стоит между ними и делами, скрывает все, что может скрыть, показывает в извращенном свете то, чего не может скрыть. Камарилла не допускает развития воли (— она окружает мелочными развлечениями, обольщает житейскими удовольствиями, расстраивает единство характера беспорядочностью, изменчивостью своих советов, вытекающих из личного расчета, а не из убеждений, не допуская образовать ни волю, ни ум), она лишает возможности иметь прочный и отчетливый образ мыслей. (Словом, ту личность, около которой вертятся ее мелкие хлопоты, она делает такой же, какова сама, — способной только на мелочи, лишенной и знания и воли во всем серьезном.)

Ментенон, регент, Помпадур, Дюбарри, все другие личности, имевшие главное влияние на дела французского государства в течение трех первых четвертей XVIII века, были олицетворениями камариллы.

Существовало ли достаточное основание предполагать, чтобы с восшествием на престол Людовика XVI изменилось это положение, чтобы вместо управления камариллы возвратились времена Людовика XI или Ришелье? (Ни внешние) обстоятельства (ни личность нового короля) не допускали такого предположения.

(Обстоятельства —) что же такое важное изменилось в состоянии государства, в отношениях между различными сословиями? Все оставалось по-прежнему. Правительство не имело внутри никаких опасных врагов, ничто не побуждало его отказаться от беззаботного распоряжения государственными делами по личным удобствам и наклонностям. Правда, вообще дела шли дурно, но они шли дурно уже в течение восьмидесяти или больше лет. Ни порядка в администрации, ни правосудия не было — но что ж тут важного? До правительства это не касалось — оно не встречало сопротивления своей воле; будучи довольно этим главным обстоятельством, оно не находило нужды быть недовольно администрацией или судебным устройством. Финансы находились в расстроенном положении; ежегодно оказывался дефицит — но что ж и тут важного? Камарилла имела довольно денег, о чем же было ей хло-

потать из-за каких благ думать о серьезных переменах? Государственный долг возрастал — только и всего; но кому до этого дело? Как-нибудь проценты уплачивались при помощи новых займов и новых податей. Каждый смотрит на вещи с своей точки зрения. Экономисты могли находить налоги тяжелыми, дефициты опасными, филантропы могли горевать о бедственном положении народа, философы жаловаться на дурную организацию государственного механизма; но камарилле было очень хорошо и естественно она вовсе не желала изменять такого порядка или отказываться от власти, — уже около века она управляла таким образом, почему же ей не оставаться было по-прежнему в управлении делами?

⟨Но король, бесспорно желавший добра, мог взглянуть на вещи иначе и оттолкнуть камариллу от власти? На каком же основании, по каким причинам? Он воспитан был среди камариллы сообразно с ее правилами и расчетами. Она позаботилась не дать ему хорошего образования; она позаботилась не дозволить ему знакомства ни с кем, кроме своих сочленов. Он не знал государственных дел; он не понимал положения королевства; он приучен был смотреть как на людей опасных или как на людей непрактичных на всех тех, которые не сходились в образе своих понятий с камариллой; если бы он был недоволен советниками своего предшественника, он не знал бы, откуда взять других, кроме как из той же камариллы.

Все это он доказал с самого начала.⟩ Вступив на престол, Людовик XVI пожелал иметь человека, на которого мог бы полагаться во всем. ⟨Кого избрать таким доверенным лицом, он сам не знал — так мало занимался он до той поры государственными делами, что ему были даже неизвестны люди со стороны этих занятий, — он знал, кто хорошо, кто дурно танцует, кто хорошо, кто дурно ездит верхом или стреляет из пистолета, фехтует, кто каков по части волокитства, любезности в обществе, кто знаток в гастрономии, кто знаток в лошадях, но кто знаток в государственных делах, этого ему не случилось узнать; об этом доходили до него такие же темные слухи, как до нас с вами, читатель, о том, какие живописцы или поэты считаются мастерами своего дела в Китае. Слышали мы что-то об этом, но как и что, этого мы хорошенько не припомним; что же ему было делать в таком беспомощном положении? Он обратился за советами к тем же членам камариллы — к кому же иначе? Других людей он не знал и не видал.⟩

Ему рекомендовали разных лиц, в том числе Машо и Морепа; он выбрал Морепа, говорят, потому, что приписал ему по ошибке те «смутные» сведения, какие доходили до него о дельности Машо. Но вернее удовлетвориться другою, несомненною причиною предпочтения, — Морепа был рекомендован ему теткой, принцессою Аделаидою.

Морепа сделался почти всемогущим человеком в королевстве. Только иногда, изредка, какою-нибудь хитростью, супруга короля Мария-Антуанетта успевала сделать что-нибудь мимо этого министра в удовольствие тем кавалерам и дамам, которые казались ей особенно приятны на балах и в маскарадах.

Старик Морепа был знаменитый эпикуреец, селадон, шутник. О государственных делах он имел очень мало понятия, все делал по личным отношениям; словом, камарилла могла считать его лучшим своим представителем.

Все шло по-старому; были перемены в лицах, по влиянию разных интриг между камариллою, но в делах не было никакой перемены, — мы видели, что она вовсе и не требовалась.

Но эпикуреец Морепа любил наслаждения всякого рода; вдруг он обольстился мечтою, что приятно было бы приобрести аплодисменты от парижского партера — не думайте, чтобы это было фигуральное выражение, вовсе нет, понимайте буквально, аплодисменты театрального партера, те самые аплодисменты, которыми награждаются певицы и танцовщицы. Каким бы способом заслужить эти аплодисменты? Не знаем, как разрешилась бы такая задача, если бы не подвернулась тут жена Морепа. Старый греховодник был женат и по обычаю многих старых греховодников сильно трусил жены. Это еще не все. У г-жи Морепа был приятель, аббат Вери. И это не все еще: надобно прибавить, что аббат Вери учился в школе вместе с Тюрго. Теперь вы угадываете, читатель, как попал Тюрго в министры. Аббат Вери сказал г-же Морепа, что с ее стороны будет очень мило, если она похлопочет за его школьного приятеля, Тюрго; г-жа Морепа сказала мужу, что он должен дать повышение отличнейшему человеку, Тюрго, который уж давно интендантом. «Тюрго! Да ведь это отлично! — подумал Морепа. — Во-первых, жена приказывает, а во-вторых, Тюрго приятель с модными писателями, а модные писатели — любимцы парижского партера. Угождая жене, я перебиваю аплодисменты в свою пользу у Вестриса и m-elle Клерон!» Морепа пошел в кабинет короля, и Тюрго пригласили быть министром.

Таковыми-то судьбами делаются на свете дела, читатель.

Не огорчайтесь этим, а тем паче не осуждайте Морепана. <Вы видите сучок в его глазу — прежде чем укорять за то почтенного человека, посмотрите, нет ли у нас самих бревна в глазу.> Не правда ли, вам случалось определять на вакантное место в вашей прислуге людей, которых вы до той поры в глаза не знали, основываясь только на рекомендации вашей тетушки или кузины, которую просила похлопотать об этом кандидате ее кухарка или горничная? Ведь вы поступали в таком случае ничуть не лучше, нежели Морепан. И что тут дурного? Ведь из числа лакеев, поступавших к вам в услужение таким образом, попадались очень хорошие люди. Ну, вот точно так же и г-ну Морепану попался очень хороший человек. Но вы скажете, что нанять камердинера или повара — вовсе не то, что назначить генерал-контролера. Такое замечание заставляет меня предположить в вас крайнее незнакомство с ходом дел на белом свете. Поверьте, умственные и нравственные качества вашего камердинера гораздо интереснее для вас, нежели были качества генерал-контролера для Морепана. Ведь камердинер, если он плут, украдет у вас жилет, если плохо знает свое дело, то не вычистит вашего сюртука как следует. А какой убыток был бы г-ну Морепану? Разве его деньги крал бы генерал-контролер, если бы оказался плутом? И разве не нашлось бы в управлении генерал-контролера опытных счетчиков, которые стали бы составлять за него отличнейшие сметы расходов и доходов, если бы он оказался не знающим своего дела?

Таковыми-то судьбами, при такой-то обстановке Тюрго получил приглашение быть министром.

Скажите, чего мог надеяться он от принятия такого предложения?

Всякий здравомыслящий человек скажет: он мог на верное рассчитывать, что будет иметь волю наживаться на своем месте, как его душе угодно, и раздавать доходные места своим приятелям.

Нет, чудака не подумал об этом, а вообразил, что может преобразовать Францию!

И если бы вы знали, какие великолепные планы он составил! Это любопытно: он задумал — извольте-ка прислушаться:

Он хотел: отменить феодальные права; уничтожить привилегии дворянства; пересоздать систему налогов и пошлин; ввести свободу совести; переделать гражданские и уголовные законы; уничтожить большую часть мо-

настырей; ввести свободу тиснения; преобразовать всю систему народного просвещения. <В довершение всего хотел ввести во Франции нечто очень похожее на конституцию.>

Можно ли не посмеяться над простяком?

Разумеется, если бы ему удалось совершить все эти преобразования, не было бы революции. Но спрашивается: откуда бы он взял силу сделать хотя сотую часть того, что хотел сделать?

Не то ли же это самое, как если бы вы, получив приглашение на партию в преферанс, отправились к вашим будущим партнерам с надеждой прочесть им лекцию астрономии?

Странные надежды бывают у людей!

В числе моих знакомых, — вероятно, также и в числе ваших, читатель, — есть такие странные люди. Нельзя не уважать их за чистоту намерений, за преданность общей пользе, но, воля ваша, нельзя не улыбнуться, слушая их⁹.

Чем кончились эти смешные грезы, мы знаем. Как-то врасплох удалось Тюрго провести свои мысли относительно двух очень неважных пунктов своей великолепной программы: об отменении дорожной повинности и уничтожении цеховых корпораций, — тотчас же все увидели, что он человек, вовсе неспособный быть министром, и его попросили удалиться.

Иначе и быть не могло. К чему же служили великолепные надежды? Только к забавному разочарованию.